

Всеволод Владимирович Байбак

доцент кафедры гражданского права и процесса
НИУ «Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук

Артем Георгиевич Карапетов

директор Юридического института «М-Логос»,
профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук

Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением

Настоящая статья посвящена краткому обзору основных проблемных вопросов толкования ст. 178 ГК РФ. Предлагается комментарий к ключевым ее положениям и тем вопросам, которые в ней не отражены, но вызывают или могут вызывать проблемы на практике. Среди прочего анализируются вопросы о видах ошибок, условиях признания сделки недействительной в связи с ошибкой, значении заблуждения в мотиве, а также последствия признания сделки недействительной по ст. 178 ГК РФ.

Ключевые слова: заблуждение, ошибка, недействительность сделки

Vsevolod Baibak

Assistant Professor at the Department of Civil Law and Process at the Higher School of Economics, PhD in Law

Artem Karapetov

Director of *M-Logos* Law Institute, Professor at the Higher School of Economics, Doctor of Laws

Analysis of Problematic Issues of Application of Art. 178 of the Civil Code of the Russian Federation on Avoidance of Contract Due to the Mistake

This article briefly examines main problematic issues in application of Article 178 of the Russian Federation Civil Code. It provides a commentary to substantive provisions and certain issues that are not covered by the article but can be problematic in practice. It also analyses types of mistakes, conditions for invalidating the transaction due to the mistake, the effect of the mistake in the motive of a party as well as the consequences of avoidance under Article 178 of the Russian Federation Civil Code.

Keywords: misconception, error, invalidity of the transaction

Статья 178 ГК РФ закрепляет традиционный для большинства известных нам правопорядков институт оспаривания сделки в связи с существенным заблуждением, имевшим место на момент ее совершения. Другое название для данной доктрины — доктрина ошибки.

Этот классический институт долгие годы российскими арбитражными судами применялся крайне редко. Подавляющее большинство дел, в которых сторона пыталась оспаривать сделку со ссылкой на ст. 178 ГК РФ, закончилось для истца ничем. В коммерческих отношениях отечественные суды в целом, как представляется, обоснованно придерживаются консервативного подхода и неохотно соглашаются аннулировать сделки. Теоретически в судах общей юрисдикции статистика могла бы быть несколько иной в силу того, что ошибки обывателя куда более извинительны, чем просчеты профессионального предпринимателя. Но достоверной статистической информации на сей счет у нас нет.

Из-за скудности судебной практики четкие ориентиры применения ст. 178 ГК РФ до сих пор в российском праве в целостном виде не сложились. Но некоторая ясность начала образовываться с выходом информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 (далее — информационное письмо № 162), а также в результате обновления текста ст. 178 ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства с 01.09.2013. Кроме того, помогают сформиро-

ваться доктрине и появившиеся в последние годы научные публикации по данной теме¹.

Настоящий текст представляет собой проблемный комментарий к ст. 178 ГК РФ, задача которого — в сжатом виде представить основные вопросы, возникающие в области толкования и применения данной статьи, осветить позиции судебной практики и кратко изложить авторское видение возможных решений по части спорных ситуаций.

Статья 178. Недействительность сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения

1. Сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения, если заблуждение было настолько существенным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел.
2. При наличии условий, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, заблуждение предполагается достаточно существенным, в частности, если:
 - 1) сторона допустила очевидные оговорку, опisku, опечатку и т.п.;
 - 2) сторона заблуждается в отношении предмета сделки, к примеру таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные;
 - 3) сторона заблуждается в отношении природы сделки;
 - 4) сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой;
 - 5) сторона заблуждается в отношении обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку.
3. Заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной.
4. Сделка не может быть признана недействительной по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, если другая сторона выразит согласие на сохранение силы сделки на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действо-

¹ См.: *Зезкало А.Ю.* Заблуждение при совершении сделки. Томск, 2011; *Он же.* Новое в правилах о недействительности сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Закон. 2015. № 9. С. 73–88; *Он же.* Сделки, совершенные под влиянием заблуждения, в проекте Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 207–220.

вавшая под влиянием заблуждения. В таком случае суд, отказывая в признании сделки недействительной, указывает в своем решении эти условия сделки.

5. Суд может отказать в признании сделки недействительной, если заблуждение, под влиянием которого действовала сторона сделки, было таким, что его не могло бы распознать лицо, действующее с обычной осмотрительностью и с учетом содержания сделки, сопутствующих обстоятельств и особенностей сторон.
6. Если сделка признана недействительной как совершенная под влиянием заблуждения, к ней применяются правила, предусмотренные статьей 167 настоящего Кодекса.

Сторона, по иску которой сделка признана недействительной, обязана возместить другой стороне причиненный ей вследствие этого реальный ущерб, за исключением случаев, когда другая сторона знала или должна была знать о наличии заблуждения, в том числе если заблуждение возникло вследствие зависящих от нее обстоятельств.

Сторона, по иску которой сделка признана недействительной, вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков, если докажет, что заблуждение возникло вследствие обстоятельств, за которые отвечает другая сторона.

Комментарий

1. Понятие заблуждения

ГК РФ допускает оспаривание сделки на основании заблуждения. Другое название для заблуждения в цивилистической традиции — ошибка.

Что же ГК понимает под заблуждением? Точного ответа на этот вопрос в Кодексе нет. Из текста ст. 178 вытекает как минимум три признаваемых законом вида заблуждения.

Первое — заблуждение в отношении обстоятельств, влияющих на решение совершить сделку. Речь здесь идет о пороке формирования воли. В сделках, совершенных под влиянием существенного заблуждения такого рода, воля, направленная на совершение сделки, соответствует волеизъявлению, но сама эта воля сформирована неправильно, на основании неправильных представлений о тех или иных обстоятельствах. Поскольку сделки основаны на изъявлении воли, дефектно сформированная воля позволяет при определенных условиях оспорить сделку. Подобная ошибка может выражаться в незнании тех или иных принципиальных обстоятельств или в обладании недостоверной информацией о таких обстоятельствах.

Второе — ошибка в процессе волеизъявления. В такой ситуации воля не поражена какими-то искажениями и опирается на достоверное знание об обстоятельствах, но ошибка происходит на стадии выражения воли, и в итоге волеизъявление не совпадает с волей стороны сделки. Например, речь может идти об ошибке в тожде-

ственности лица, выступающего другой стороной сделки, с тем лицом, совершить сделку с которым сторона собиралась.

Третье — это простые технические сбои в волеизъявлении. Речь идет об оговорке, описке или опечатке, упомянутых в п. 2 ст. 178. Объединение в рамках этой статьи ошибок первых двух категорий с обычными техническими оговорками, описками и опечатками может вызывать вопросы.

1.1. Заблуждение и просчет

Статья 178 ГК РФ говорит о заблуждении в отношении обстоятельств, имевших место либо в прошлом, либо на момент совершения сделки. Те или иные обстоятельства, сложившиеся после совершения сделки, значения не имеют. Нельзя заблуждаться в будущих обстоятельствах, можно лишь сделать неточный прогноз, совершить просчет. Тот факт, что намерения стороны не оправдались в связи с возникновением тех или иных обстоятельств в будущем, не имеет отношения к ст. 178 ГК РФ: в силу укоренившейся традиции для признания сделки недействительной необходимо, чтобы порок имелся на момент ее совершения.

Тем не менее в судебной практике можно встретить парадоксальные примеры того, как суды игнорируют эту прописную истину. Например, в определении ВС РФ от 14.09.2015 № 309-ЭС15-3840 суд признал мировое соглашение недействительным на основании ст. 178 ГК РФ в связи с тем, что заключившая его сторона просчиталась в отношении перспектив исполнения другой стороной в будущем своих устных обещаний на продолжение сотрудничества. Очевидно, что ошибка в прогнозе и подрыв разумных ожиданий не могут быть квалифицированы в качестве заблуждения, упомянутого в ст. 178. Остается надеяться на то, что данная позиция не распространится в судебной практике.

1.2. Ошибка односторонняя и ошибка двусторонняя

Когда в заблуждении находилась лишь одна из сторон сделки, принято говорить об односторонней ошибке. Если же в заблуждении находились оба контрагента, то речь идет о двусторонней (взаимной, обоюдной) ошибке. Например, если обе стороны договора купли-продажи картины исходили из того, что это копия некоего шедевра, а впоследствии выясняется, что картина подлинна, следует говорить об обоюдной ошибке. Если же об истинных качествах картины не знала лишь одна сторона, то имеет место односторонняя ошибка.

Оспаривание сделки по правилам ст. 178 ГК РФ возможно в обоих случаях. В то же время тип ошибки может влиять на некоторые особенности оспаривания (см. п. 1.7 ниже).

1.3. Преимущества и недостатки института ошибки

Одна из основных причин придания договоренностям сторон силы государственного принуждения состоит в том, что добровольно совершенные сделки, как пра-

вило, обеспечивают взаимовыгодное сотрудничество, основанное на адекватной оценке сторонами условий сделки на предмет их соответствия интересам сторон. На этом зиждется рыночная экономика: участники экономического обмена обычно сами справляются с определением его условий лучше, чем кто-либо другой. Но эта презумпция опровергается, если одна сторона или обе из них взаимодействуют, руководствуясь неполной или искаженной информацией. В экономическом плане доктрина ошибки позволяет стороне освободиться от договора, который в силу заблуждения в отношении тех или иных значимых фактов не обеспечивает взаимовыгодное и соответствующее интересам этой стороны сотрудничество. Так что экономическая логика в применении этой доктрины имеется.

При обращении к данной доктрине суд сталкивается с двумя опасностями.

Первая состоит в том, что достоверное выявление заблуждения является крайне сложным предприятием, так как требует *ex post* оценки судом тех знаний, которыми соответствующая сторона обладала при заключении договора (совершении односторонней сделки). Если дело оказалось в суде, то заинтересованная в оспаривании сделки сторона будет иметь стимулы исказить реальность, спекулятивно заявляя о заблуждении. Соответственно, положиться на ее заявления в отношении того, что она допустила ошибку, крайне сложно, если другая сторона будет возражать и настаивать на исполнении сделки. В итоге возникает вероятность вынесения ошибочного решения. Получается, что применение доктрины заблуждения в целях оспаривания сделки может создать стимулы к недобросовестному оспариванию сделок, при совершении которых не было допущено никакой ошибки. Это способно дестабилизировать оборот.

Вторая опасность заключается в том, что аннулирование сделок с обратной силой нередко подрывает разумные ожидания другой стороны, которая могла осуществить инвестиции в исполнение договора или иным образом изменить свою позицию, полагаясь на действительность совершенной сделки. Чем чаще сделки аннулируются по основаниям несовершенства доступной одной из сторон информации, тем более хрупкими становятся контрактные связи и тем выше риски для контрагентов.

В итоге, конструируя правовой режим ошибки, законодатель пытается нащупать разумный компромисс, учесть все эти соображения *pro* и *contra* и выработать сбалансированное решение. Для сдерживания рисков бесконтрольного оспаривания сделок по ст. 178 ГК РФ вводятся ограничители. Одни из них закреплены в самой этой статье, а другие либо уже отражены, либо могут проявиться в судебной практике.

1.4. Ограничитель первый: очевидность заблуждения

Российская судебная практика де-факто предъявляет к искам об оспаривании сделки по ст. 178 ГК РФ крайне высокие требования в плане доказывания очевидности имевшего место заблуждения. Это никогда не было закреплено *expressis verbis* в практике высших судов, но является своего рода неписаным правилом. Случаи, когда суды признают доказанным наличие существенного заблуждения,

крайне редки. Этот тренд в целом обоснован. Крайне важно, чтобы право допускало оспаривание сделок по такому основанию только в самых вопиющих случаях, когда у суда нет никаких сомнений в наличии заблуждения. Иначе говоря, стандарт доказывания наличия ошибки фактически является и должен являться высоким. Любые сомнения суда в вопросе о том, имело ли место на самом деле заблуждение, следует толковать против гипотезы о наличии ошибки. Подобная сдержанность судов в применении доктрины заблуждения может значительно снизить риск судебной ошибки, стимулы к недобросовестному оспариванию вполне нормальных сделок и неоправданные судебные издержки сторон.

Недопустимость признания сделок недействительными в случаях, когда наличие ошибки суду при ретроспективной оценке обстоятельств совершения сделки неочевидно, снижает шансы на оспаривание сделки по данному основанию в сомнительных случаях и стимулирует проявлять большую внимательность именно ту сторону, которая рискует испытать заблуждение. Такой подход иногда может приводить к тому, что судебную защиту получит контракт с пороком воли, не влекущий взаимного выигрыша. Но в долгосрочной перспективе это способно принести куда больше пользы. Если каждый из контрагентов будет осознавать, что риск собственного заблуждения лежит на нем, это будет его стимулировать проявлять должную заботливость и осмотрительность и принимать решение о заключении договора (совершении иной сделки) на основе тщательно изученной информации. Обратное бы означало, что риск заблуждения одной стороны переносится на другую, в то время как последней предотвратить материализацию данного риска практически невозможно. В итоге в случае активного применения доктрины ошибки и частого оспаривания сделок по этому основанию риск подобного оспаривания начнет учитываться в цене договора. Поскольку стороне, чье возможное заблуждение может стать основанием для аннулирования договора, намного проще предотвратить такой риск или адекватно оценить вероятность собственного заблуждения, то возложение данного риска на нее способно повлиять на цену значительно меньше.

Сказанное особенно актуально в отношении сугубо коммерческих сделок, сторонами которых являются профессиональные предприниматели. Жалобы этих участников оборота, осуществляющих свою деятельность на свой риск, на допущенные ошибки не должны сразу полностью отвергаться, но судам надлежит их оценивать с особой подозрительностью.

1.5. Ограничитель второй: существенность заблуждения и причинность

Другим важным ограничителем является фактор *существенности* заблуждения. Этот ограничитель прямо закреплен в законе. Как следует из названия комментируемой статьи, не всякое заблуждение порочит сделку, а лишь существенное. Существенность заблуждения с 01.09.2013 получила законодательное определение в п. 1 ст. 178 ГК РФ: существенным является только такое заблуждение, при отсутствии которого сторона вообще не совершила бы сделку. Иначе говоря, значение имеет только такое заблуждение, которое предопределило совершение сделки, находится с ним в причинной связи. Если бы сделка была совершена и при отсутствии заблуждения, то, по мысли законодателя, юридически значимого, суще-

ственного заблуждения нет. Тот же критерий причинности отражен и в п. 1 ст. II.-7:201 Модельных правил европейского частного права.

Вместе с тем данное определение, по-видимому, не очень удачно, его следует толковать расширительно и признавать существенным также такое заблуждение, при отсутствии которого сторона все равно заключила бы сделку, но на значительно отличающихся условиях. Так, Модельные правила европейского частного права предусматривают, что заблуждение порочит сделку, если, не испытывая влияние заблуждения, сторона не заключила бы договор или заключила бы его на совершенно иных условиях (п. 1 ст. II.-7:201). О том же говорит п. 1 ст. 3.2.2 Принципов УНИДРУА. Например, заблуждавшийся в авторстве принадлежащей ему картины продавец, возможно, все равно продал бы картину, если бы знал о том, что она написана известным художником, но по существенно иной цене. В пользу такого толкования говорит и п. 4 комментируемой статьи, позволяющий исцелить сделку, если контрагент заблуждавшейся стороны согласится на исполнение сделки на иных условиях (подробнее см. комментарий к п. 4).

При этом следует определить, совершило ли бы сделку именно конкретное заблуждавшееся лицо, а не среднестатистический участник оборота. Например, если доказано, что для большинства участников оборота то или иное свойство предмета сделки не имеет значения и не повлияло бы на решение ее совершить, это само по себе не блокирует оспаривание; важно выяснить, насколько данное свойство было принципиальным для конкретной стороны.

В этом плане между различными международными актами унификации частного права наблюдаются определенные расхождения. Статья 3.2.2 Принципов УНИДРУА говорит о том, что заблуждение является существенным, если «разумное лицо в такой же ситуации, что и заблуждавшаяся сторона», знай оно об истинном положении дел, не заключило бы договор или заключило бы его на существенно иных условиях. Статья же II.-7:201 Модельных правил европейского частного права отсылку к разумному лицу не содержит и требует определения, что соответствующая сторона не совершила бы сделку или совершила бы ее на принципиально иных условиях, не будь этого заблуждения. Вариант, отраженный в последнем документе, кажется более правильным. Но при этом, как будет показано ниже, очевидное невежество стороны сделки и наличие у нее абсолютно иррациональных представлений о различных обстоятельствах не являются тем заблуждением, которое дает право на оспаривание сделки (см. п. 1.6 ниже).

1.6. Ограничитель третий: неизвинительность заблуждения

Для признания заблуждения существенным необходимо еще одно важное дополнительное условие: заблуждавшаяся сторона должна вести себя разумно и объективно оценивать ситуацию. Если заблуждение является следствием (как минимум грубой) неосторожности самого заблуждавшегося лица, его заблуждение неизвинительно и оно не может рассчитывать на применение ст. 178 ГК РФ. В частности, нереалистичные, фантастические представления и ожидания сторон сделки не могут быть квалифицированы как существенное заблуждение, порочащее сделку, даже в том случае, если сторона, имевшая такие ожидания и представления, не совершила бы

сделку в отсутствие заблуждения. Признание сделки недействительной по правилам ст. 178 ГК РФ возможно только тогда, когда ошибка извинительна.

При определении извинительности заблуждения следует принимать во внимание стандарт разумного участника оборота, обладающего сходными характеристиками с заблуждавшейся стороной. Если речь идет о коммерсанте, то, естественно, стандарт разумного поведения намного выше, чем в случае с обывателем; соответственно, коммерсанту намного сложнее доказать извинительность своего заблуждения, чем такому обывателю.

Этот критерий нашел отражение в практике высших судов. Так, в п. 5 информационного письма № 162 указано, что суд должен отказывать в признании сделки недействительной по ст. 178 ГК РФ, если «истец не проявил должной осмотрительности при совершении спорной сделки».

К категории неизвинительного заблуждения следует отнести и ситуацию, когда контрагент, обнаружив заблуждение партнера, предупредил его об этом, но тот, упорствуя в своем заблуждении, решил пойти на совершение сделки. Такое легкомысленное поведение не может поощряться.

В целом аналогичный подход используется и в международных источниках. Так, ст. 3.2.2 Принципов УНИДРУА исключает аннуляцию договора при грубой неосторожности заблуждавшейся стороны, а ст. II.-7:201 Модельных правил европейского частного права не позволяет оспаривать сделку в случае «неизвинительности заблуждения в данных обстоятельствах».

Особый интерес представляют ситуации, когда неизвинительное заблуждение было спровоцировано другой стороной (например, в связи с неосторожным представлением недостоверной информации) или другая сторона могла распознать заблуждение, но воспользовалась глупостью партнера. Думается, даже в этом случае оспаривание сделки недопустимо. Несколько более сложная ситуация возникает, если контрагент умышленно лгал или точно знал о нелепом заблуждении партнера, но умышленно решил умолчать о данном обстоятельстве и воспользовался им. Тут речь идет уже не о ст. 178 ГК РФ и доктрине ошибки, а об обмане (в том числе обмане умолчанием) и применении п. 2 ст. 179 ГК РФ (по данному вопросу см. п. 1.9 настоящего комментария).

1.7. Ограничитель четвертый: учет поведения контрагента

Для применения ст. 178 ГК РФ большое значение имеет анализ поведения контрагента.

Как уже отмечалось, опасность анализируемой нормы состоит в том, что оспаривание сделок из-за ошибки создает серьезные риски для другой стороны (контрагента по договору или адресата односторонней сделки), которая могла положиться на факт совершения сделки, осуществить так называемые специфические инвестиции (например, понести расходы на подготовку исполнения или исполнение, заключить договоры с третьими лицами в надежде на исполнение оспари-

ваемого контракта и т.п.). Признание сделки недействительной создает угрозу для ее экономического положения и способно подорвать доверие к сделке и ударить по нормальной практике рыночного контрактирования, разрушив условия для заключения договоров, требующих значительных инвестиций. Поэтому так важно учитывать поведение контрагента (адресата односторонней сделки).

Из сказанного выше следует, что при безупречном поведении контрагента аннулирование сделки по общему правилу допускаться не должно. Доверие такого контрагента факту совершения сделки должно защищаться.

Когда следует констатировать упречность поведения контрагента?

Во-первых, когда он ввел партнера в заблуждение путем неосторожного предоставления недостоверной информации (при умысле применяется п. 2 ст. 179 ГК РФ). Предоставление недостоверной информации могло осуществиться в ходе переговоров, быть оформлено в виде того или иного документа (например, меморандума о взаимопонимании или инвестиционного меморандума, коммерческого предложения и т.п.) либо происходить в устной форме. Но недостоверная информация может быть включена и в сам договор в качестве характеристик предмета предоставления или иных договорных заверений (ст. 431.2 ГК РФ).

Неосторожное введение в заблуждение имеет место и тогда, когда контрагент иным образом (например, своим поведением) по неосторожности спровоцировал возникновение заблуждения у другой стороны. Частным примером является ситуация, когда контрагент спровоцировал заблуждение тем, что нарушил установленные в законе, укоренившиеся в обычаях или вытекающие из принципа добросовестности требования в отношении полноты раскрываемой на преддоговорном этапе информации. Так, например, ст. 5 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» устанавливает достаточно серьезные обязанности банка по раскрытию перед потенциальным заемщиком информации о характере финансовой услуги. Подобные нормы применительно к отдельным видам договоров содержатся и в ГК (например, ст. 495, 732, 944 и др.).

Во-вторых, когда контрагент пошел на заключение сделки, имея все основания знать о заблуждении своего партнера, но в нарушение стандартов добросовестности и честной деловой практики не предостерег контрагента, а воспользовался этой ошибкой. Если контрагент точно знал о заблуждении партнера, но не сообщил ему об этом, то впору говорить об умышленном обмане умолчанием по п. 2 ст. 179 ГК РФ, но если доказательства умысла нет, а обстоятельства дела указывают, что разумное лицо на его месте распознало бы заблуждение, то можно говорить о применении ст. 178 ГК РФ.

Логичным закреплением данного подхода является п. 5 ст. 178 ГК, предусматривающий, что оспаривание сделки по общему правилу может быть заблокировано, если контрагент не только не вводил сторону в заблуждение, но и не знал и не должен был знать о заблуждении другой стороны, т.е. ошибка была нераспознаваема (подробнее об этом говорится в комментарии к п. 5 ст. 178 ГК РФ).

Данную норму в системном единстве с положением п. 2 ст. 179 ГК РФ следует толковать так, что при распознаваемости ошибки оспаривание возможно только

тогда, когда контрагент, имевший основания подозревать о заблуждении партнера, воспользовался ошибкой *вопреки принципу добросовестности*. Дело в том, что в ряде случаев обычаи оборота и стандарт добросовестности могут допускать эксплуатацию информационной асимметрии. Например, если между двумя профессиональными инвесторами заключается договор купли-продажи акций некоей компании, а покупатель имеет основания подозревать, что продавец не обладает какой-то важной информацией, характеризующей деятельность компании и способной сказаться на стоимости ее акций в самом ближайшем времени, но сам покупатель приобрел это информационное преимущество за счет использования своего высокого профессионализма и инвестиций в сбор и аналитическую обработку информации, то вряд ли было бы целесообразно и справедливо обвинять покупателя в недобросовестном умолчании и допускать оспаривание сделки. Иначе это бы лишило бы профессиональных коммерсантов стимулов к тому, чтобы наращивать свой профессионализм и информированность.

О важности учета фактора недобросовестности при выявлении распознаваемости ошибки говорит и п. 1 ст. II.-7:201 Модельных правил европейского частного права. Здесь речь идет о том, что оспаривание сделки по причине ошибки возможно, если контрагент «способствовал заключению договора под влиянием заблуждения путем бездействия, противоречащего требованиям добросовестности и честной деловой практики, хотя знал или, как можно разумно предполагать, мог знать о том, что противная сторона находится под влиянием заблуждения». Пункт 1 ст. 3.2.2 Принципов УНИДРУА отражает ту же идею: согласно данной норме важно установить не только распознаваемость заблуждения, но и то, что «оставление заблуждающейся стороны в таком состоянии противоречило бы разумным коммерческим стандартам честной деловой практики».

Более подробно о том, в каких случаях умолчание является недобросовестным, будет рассказано в п. 1.9 настоящего комментария.

Таким образом, если контрагент сам не провоцировал заблуждение, не воспользовался недобросовестно объективно распознаваемой ошибкой другой стороны, и, соответственно, его поведение безупречно, то оспаривание сделки в большинстве случаев не должно допускаться. Этого требуют принцип защиты разумных ожиданий и соображения правовой определенности. Такой подход позволит добросовестному контрагенту, который сам ни прямо, ни косвенно не спровоцировал заблуждение и не использовал объективно распознаваемое им заблуждение партнера вопреки доброй совести, относительно спокойно полагаться на факт совершения сделки и осуществлять связанные со сделкой инвестиции. Одновременно этот подход стимулирует контрагента не вводить в заблуждение партнера и соблюдать установленные обязанности по раскрытию информации на преддоговорном этапе, а также воздержаться от недобросовестной эксплуатации очевидной ему ошибки партнера или донести до последнего информацию о возможной ошибке. Это позволит с минимальными издержками исключить риск совершения невзаимовыгодных сделок в результате асимметрии и неполноты информации.

Могут ли быть случаи, когда оспаривание сделки возможно и при безупречном поведении контрагента?

Как представляется, мыслимы только две ситуации, в которых суд может проигнорировать добросовестность контрагента и признать сделку недействительной по правилам ст. 178 ГК РФ. Во-первых, это обоюдная, двусторонняя ошибка. Во-вторых, это ситуация, когда имело место невинное введение в заблуждение (т.е. контрагент спровоцировал ошибку своими заявлениями или поведением, но при этом вменить это ему в вину нельзя). Последнее может иметь место, в частности, тогда, когда заблуждение было спровоцировано получением от контрагента недостоверной информации, но при этом такой контрагент не только не знал, но и не мог знать о ее недостоверности.

О том же, по сути, говорят и международные акты унификации. Положения ст. II.-7:201 Модельных правил европейского частного права допускают оспаривание сделки на основании ошибки при отсутствии упречности в поведении контрагента, если речь идет (а) об обоюдной ошибке и (б) заблуждение спровоцировано контрагентом.

В норме ст. 3.2.2 Принципов УНИДРУА прослеживается такой же подход, с тем лишь исключением, что оспаривание при безупречном поведении контрагента заблуждавшейся стороны все же возможно не только при обоюдной ошибке или провоцировании заблуждения, но и в иных случаях, если контрагент к моменту оспаривания не успел начать исполнение или совершить иные действия, основанные на доверии к факту заключения договора (т.е. не успел положиться на факт совершения сделки). Эта дополнительная возможность в контексте российского права кажется излишней, поскольку в России оспаривание осуществляется в судебном порядке (а не во внесудебном, как то предусмотрено Принципами УНИДРУА). Соответственно, трудно представить себе ситуацию, когда к моменту вступления в силу решения суда об оспаривании сделки контрагент не успеет положиться на ее действительность.

В ГК РФ сделана попытка решить проблему уязвимого положения добросовестного контрагента, не знавшего и не имевшего оснований знать о заблуждении и не спровоцировавшего ошибку, за счет правила, согласно которому успешно оспарившая сделку сторона должна возместить своему добросовестному контрагенту его реальный ущерб (абз. 2 п. 6 ст. 178). Такое возмещение теоретически может отчасти снизить остроту проблемы тщетных «специфических инвестиций» со стороны добросовестного контрагента и защиты его разумных ожиданий, но далеко не в полной мере. Ведь из-за серьезных проблем в доказывании и взыскании убытков добросовестный контрагент практически гарантированно не покроет все свои расходы. Что уж говорить о лишении шансов на получение упущенной выгоды! Поэтому наличия лишь данного механизма недостаточно для защиты добросовестного контрагента, и необходимо защитить его сильнее, заблокировав саму возможность оспаривания сделки в таких случаях. Применение же правила о возмещении реального ущерба при эффективном оспаривании сделки по ст. 178 ГК РФ оказывается возможным лишь в ситуации, когда аннулирование сделки допускается при добросовестности контрагента и возникновении заблуждения по независящим от контрагента обстоятельствам, т.е., по сути, только в ситуации обоюдной ошибки (подробнее об этом в комментариях к п. 6 ст. 178 ГК РФ).

Итак, все случаи заблуждения в зависимости от их связи с поведением контрагента можно поделить на следующие виды.

Во-первых, это заблуждение, возникшее по вине самой заблуждавшейся стороны (в силу ее неосторожности). Оспаривание сделки в такой ситуации на основании ст. 178 ГК РФ по общему правилу (за исключением, видимо, случаев описок, опечаток и оговорок) недопустимо.

Во-вторых, это заблуждение, возникшее по обстоятельствам, за которые не отвечает ни сама заблуждавшаяся сторона, ни контрагент, и при этом заблуждение было объективно нераспознаваемо контрагентом. В такой ситуации оспаривание сделки теоретически возможно, только если речь идет об обоюдной ошибке или если ошибка была невиновно спровоцирована контрагентом. Тот факт, что контрагент добросовестен и не виновен в заблуждении, в таких ситуациях не препятствует аннулированию сделки.

В-третьих, это заблуждение, возникшее по обстоятельствам, за которые отвечает контрагент. Речь идет о неосторожном введении в заблуждение и ситуации, когда отсутствует фактор умышленного, намеренного поведения контрагента. Следует помнить, что умышленное введение в заблуждение согласно п. 2 ст. 179 ГК РФ квалифицируется как обман и положениями ст. 178 не охватывается.

Если контрагент своим неосторожным поведением спровоцировал введение другой стороны в заблуждение (например, сообщил информацию, о недостоверности которой он заведомо не знал, но мог бы знать, прояви он достаточную степень заботливости и осмотрительности, либо нарушил свои обязанности по полному раскрытию информации на преддоговорном этапе), следует говорить о неосторожном способствовании заблуждению. В таком случае оспаривание возможно.

В-четвертых, это ситуация, когда имело место не спровоцированное контрагентом, но объективно распознаваемое им заблуждение, а контрагент вопреки стандарту честной деловой практики недобросовестно воспользовался распознаваемой ошибкой партнера. Если установлено, что контрагент знал точно об ошибке партнера, но недобросовестно воспользовался ею, то речь должна идти об обмане молчанием (см. п. 1.9 настоящей статьи).

1.8. Промежуточные итоги

Таким образом, сделка может быть признана недействительной по причине заблуждения, если суду очевидно, что при ее совершении имело место существенное заблуждение одной из сторон, это заблуждение не является следствием неосторожности этой стороны и при этом либо (а) заблуждение было по неосторожности или даже невиновно спровоцировано контрагентом (путем предоставления недостоверной информации, нарушения своей обязанности по раскрытию информации на преддоговорном этапе и т.п.), либо (б) контрагент должен был распознать заблуждение оспаривающей сделку стороны, но вопреки принципу добросовестности воспользовался данной ошибкой, либо (в) ошибка была обоюдной.

1.9. Соотношение заблуждения и обмана

Если заблуждение одной из сторон стало следствием *умышленного* обмана, предоставления недостоверной информации на преддоговорном этапе или недостовер-

ных заверений, ставших частью договора, для целей оспаривания сделки подлежит применению не ст. 178, а п. 2 ст. 179 ГК РФ. То же касается и случая, когда заблуждение одной из сторон было спровоцировано *намеренным* умолчанием контрагента о тех или иных обстоятельствах, раскрытия которых требует принцип добросовестности. Правило о намеренном умолчании применимо и в тех случаях, когда контрагент намеренно эксплуатировал однозначно распознанную им ошибку партнера вопреки стандартам добросовестности и честной деловой практики. Этот вывод связан с тем, что п. 2 ст. 179 ГК РФ признает разновидностью обмана не только умышленную ложь, но и умышленное умолчание о значимых для другой стороны обстоятельствах.

На практике различить обман и неосторожное введение в заблуждение крайне сложно, а зачастую просто невозможно. Например, как отличить умышленный обман в форме умолчания о тех или иных значимых обстоятельствах, которые принцип добросовестности требует раскрывать, от умолчания неосторожного? С учетом того что в рамках гражданского спора психическое отношение участников сделки к собственному поведению установить затруднительно (особенно в ситуации, когда стороной является юридическое лицо), было бы вряд ли целесообразно принципиально дифференцировать регулирование обмана и неосторожного введения в заблуждение.

В связи с этим следует отметить, что в российском законодательстве различия в режимах оспаривания сделок, совершенных в результате неосторожного введения в заблуждение или в результате обмана, крайне незначительны. В обоих случаях сделка может быть оспорена, а со стороны, отвечающей за возникновение заблуждения (обман), могут быть взысканы убытки (ср. п. 6 ст. 178 и п. 4 ст. 179 ГК РФ). Разница наблюдается лишь в том, что при обмане согласно п. 4 ст. 179 ГК на обманувшую сторону при применении реституции возлагается риск случайной гибели вещи.

Отличия же невиновного введения в заблуждение и обмана более принципиальны. В первом случае взыскание убытков со стороны, которая невиновно способствовала возникновению у партнера заблуждения, законом не предусмотрено.

1.10. Допустимость исключения возможности оспаривания сделки по причине заблуждения

Традиционно считается, что правила о недействительности сделки являются императивными. Соответственно, распространено мнение о том, что договором не может быть согласовано несение сторонами риска собственного заблуждения. В то же время есть основания допустить в сугубо коммерческих договорах, заключенных при равенстве переговорных возможностей, возможность согласования подобных условий. На это, в частности, указывает п. 2 ст. II.-7:201 Модельных правил европейского частного права, согласно которому оспаривание сделки исключается, если риск заблуждения сознательно приняла на себя соответствующая сторона договора. Аналогичное правило содержится в п. 2 ст. 3.2.2 Принципов УНИДРУА. Такие условия пользуются спросом в сложных финансовых и инвестиционных сферах между профессиональными участниками соответствующих рынков.

В то же время эти условия могут быть заблокированы судом при наличии признаков явного злоупотребления неравенством переговорных возможностей, если они были навязаны потребителю или иной слабой стороне договора. Здесь могут применяться положения ст. 10 или 428 ГК РФ. Стоит отметить, что и Модельные правила европейского частного права, в целом прямо допуская возможность исключения в договоре возможности оспаривания сделки на основании правил о заблуждении, тут же оговаривают, что подобного рода условия с учетом конкретных обстоятельств могут быть не признаны судом на основании принципа добросовестности (п. 2 ст. II.-7:215).

Следует лишь оговорить, что речь идет о принятии на себя *риска* собственного заблуждения, а не о легализации *умышленного обмана*. Если будет установлено, что заблуждение стороны было спровоцировано обманом (в том числе обманом в форме умолчания), то условие договора о блокировании права на оспаривание не имеет силы. О том же говорят и Модельные правила европейского частного права (п. 1 ст. II.-7:215). При этом в случаях установления факта предоставления недостоверных сведений или нераскрытия информации, раскрытия которой требовал принцип добросовестности, или недобросовестной эксплуатации распознаваемой ошибки логично исходить из презумпции умысла. Эта презумпция может быть опровергнута обвиняемой в обмане стороной, и тогда ситуация переходит в рамки сферы применения ст. 178 ГК РФ. Если такая презумпция не опровергнута, должна применяться норма п. 2 ст. 179 ГК РФ об оспаривании сделки в случае обмана. Впрочем, возможно, стоит пойти и еще дальше и признавать ничтожными такие условия и в той мере, в которой они блокируют право на оспаривание в ситуации, когда имеет место неосторожное введение в заблуждение.

1.11. Применимость к односторонним сделкам

Правила ст. 178 ГК РФ применимы не только к договорам, но и к односторонним сделкам. Например, на основании заблуждения может быть оспорен односторонний отказ от договора или одностороннее изменение его условий. При этом в такой ситуации подлежат применению те же самые обозначенные выше ограничители, с той лишь особенностью, что там, где речь шла о контрагенте, следует говорить об адресате односторонней сделки.

2. Виды ошибок

В п. 2 ст. 178 ГК РФ законодатель формулирует открытый перечень примеров того, в каких случаях заблуждение предполагается достаточно существенным. Соответственно, если заблуждение в сделке не относится ни к одному из них, но содержит признаки, предусмотренные п. 1 комментируемой статьи, то суд может признать такое заблуждение достаточно существенным для того, чтобы позволить заблуждавшей стороне оспорить сделку.

Справедливо и иное: даже если заблуждение относится к одному из указанных в п. 2 случаев, это не исключает того, что суд придет к выводу об отсутствии су-

существенности заблуждения. Здесь требуются некоторые пояснения. При поверхностном прочтении п. 1 может показаться, что логика, которой руководствовались разработчики п. 2 данной статьи, состояла в установлении презумпции и перераспределении бремени доказывания: если заблуждение относится к одному из перечисленных в данном пункте видов, то предполагается существенность заблуждения, если стороной, заинтересованной в сохранении сделки, не доказано иное.

Проблема заключается в том, что при более внимательном прочтении нормы этот вывод может быть поставлен под сомнение. Во-первых, в норме указано, что существенность указанных в пункте видов заблуждения предполагается «при наличии условий, предусмотренных в пункте 1». Иначе говоря, предположение о существенности срабатывает, только если доказано наличие общих условий признания заблуждения существенным. Но это означает не что иное, как отсутствие какого-либо перераспределения бремени доказывания. Стороне, оспаривающей сделку в связи с приведенными в п. 2 ошибками, все равно придется доказывать наличие универсальных признаков существенности, установленных в п. 1 комментируемой статьи. Во-вторых, в комментируемой норме говорится, что заблуждение предполагается существенным в том числе в указанных в п. 2 случаях. Но наличие фразы «в том числе» означает, что перечень видов заблуждения в п. 2 незакрытый. Трудно себе помыслить, что закон может установить некие презумпции и перераспределить бремя доказывания в отношении незакрытого перечня случаев.

Таким образом, не вполне удачная редакция п. 2 ст. 178 ГК РФ, если ее толковать буквально, подтверждает, что на стороне, оспаривающей сделку, бремя доказывания существенности заблуждения остается даже тогда, когда заблуждение относится к одному из тех видов, которые перечислены в п. 2. Возможно, этот вывод будет противоречить истинной задумке разработчиков нормы, но буквальное прочтение закона иного выбора нам не оставляет. Вероятно, имеет смысл толковать норму не буквально и, проигнорировав отмеченные выше противоречия, все же увидеть в п. 2 те самые презумпцию и перераспределение бремени доказывания (как минимум в отношении прямо названных в п. 2 видов ошибок). Впрочем, какой-либо ясности по данному вопросу в судебной практике нет.

Следует также отметить, что такой подход нашего законодателя существенно отличается от международных источников. Ни Принципы УНИДРУА, ни Модельные правила европейского частного права не устанавливают даже примерный перечень ситуаций, которые признаются существенным заблуждением, ограничиваясь лишь формулированием общих условий, при наличии которых заблуждение порочит сделку.

Обратимся к рассмотрению примерных ситуаций, когда законодатель признает заблуждение достаточно существенным.

2.1. Очевидные оговорка, описка или опечатка

При анализе этой ситуации прежде всего нужно обратить внимание на то, что данные ошибки должны быть очевидны любому участнику гражданского оборота. Скажем, если на рынке товар в среднем стоит 1,5 млн руб. за тонну, а сторо-

на по ошибке опускает сокращение «млн» и цена по тексту договора оказывается равной 1,5 руб. за тонну, то любому лицу, в том числе и контрагенту, должно быть очевидно, что это техническая ошибка.

При этом нельзя не отметить некоторый логический дефект комментируемой нормы. Как указано выше, сущность такого дефекта сделки, как заблуждение, состоит в том, что сторона формирует свою волю на основе неправильных представлений. Когда допущена очевидная техническая ошибка, никакого дефекта воли нет, имеет место порок волеизъявления. Поэтому упоминание об очевидной ошибке среди примеров заблуждения выглядит не вполне уместным. Было бы логичнее регулировать эту ситуацию отдельно. Так, Модельные правила европейского частного права (ст. II.-7:202) содержат отдельную норму об ошибке в волеизъявлении. Такой же подход к регулированию встречается и в Принципах УНИДРУА (ст. 3.2.3). Впрочем, эти международные акты в указанных отдельных нормах об ошибках в волеизъявлении констатируют применение к ошибке в волеизъявлении общего режима ошибки в форме порока воли.

Критерий существенности заблуждения в данном контексте, судя по всему, означает, что сделку позволительно оспаривать только тогда, когда порок волеизъявления носит настолько серьезный характер, что сторона вовсе не совершила бы сделку, содержание которой будет таким, каким оно оказалось в результате описки, опечатки или оговорки.

Критерий извинительности заблуждения, по всей видимости, неприменим к случаям ошибок в волеизъявлении. Иначе применение ст. 178 ГК РФ к опискам, опечаткам и оговоркам было бы попросту заблокировано. Ведь подобные ошибки всегда являются следствием неосторожности в устной или письменной речи.

Критерий распознаваемости заблуждения в этом контексте означает, что сделку можно оспорить в случае опечатки, описки или оговорки, только если контрагент либо точно знал, либо должен был осознавать, что волеизъявление другой стороны не отражает ее истинную волю. В случае когда речь идет о письменном договоре, как правило, трудно установить, кто конкретно допустил опечатку или описку. Оспаривание возможно только при отсутствии каких-либо сомнений в том, что обе стороны осознают или должны осознавать наличие в договоре опечатки или описки.

В целом сама идея допускать оспаривание договора в случае наличия в нем очевидных описки, опечатки или оговорки далеко не всегда кажется очевидной. Если бы право допускало оспаривание сделки при нераспознаваемости заблуждения, в этом, возможно, была бы логика. Но в силу п. 5 ст. 178 ГК РФ при нераспознаваемости заблуждения оспаривание по общему правилу блокируется. В тех же случаях, когда ошибка в волеизъявлении абсолютно очевидна и у сторон не должно быть сомнений в том, что истинная воля обеих сторон не соответствует тексту договора или произнесенным словам (при заключении устного договора), в большинстве случаев логичнее не применять ст. 178 ГК РФ и аннулировать всю сделку в целом или в части, а использовать инструменты толкования сделки. В силу ст. 431 ГК РФ приоритетным методом толкования договора является толкование буквальное, основанное на выявлении буквального смысла слов и выражений. Но при этом

в ситуации, когда буквальный смысл спорного условия очевидно абсурден и нет никаких сомнений в том, что контрагенты имели в виду нечто иное (принцип абсурдности), логично допускать истолкование спорного условия с опорой на очевидную истинную волю сторон².

Так, если в договоре залога в одном из пунктов по ошибке залогодатель обозначен как залогодержатель и из контекста со всей очевидностью следует, что это опечатка, нет смысла вынуждать одну из сторон подавать иск об оспаривании сделки в целом или данного конкретного пункта, достаточно допустить его телеологическое толкование.

Другой пример: представим, что в договоре поставки, по которому российский производитель обязуется поставить партию стульев российскому же покупателю в пределах России, вдруг по ошибке оказалось условие о том, что поставщик обязуется осуществить таможенное оформление груза. Такое обычно происходит, когда проект договора составляется на основе переработки некой иной проформы и некоторые положения, нерелевантные заключаемому договору, просто случайно остаются в проекте.

В описанных ситуациях аннулировать весь договор или спорное его условие (ст. 180 ГК РФ) кажется абсолютно непропорциональной реакцией. Куда уместнее просто исправить ситуацию путем толкования.

В то же время можно допустить ситуации, когда опечатку, опisku или оговорку допустили обе стороны, этот сбой очевиден и касается принципиальных положений сделки, а существенность обоюдной ошибки волеизъявления не вызывает сомнений, но при этом путем толкования определить в суде, что же на самом деле имели в виду стороны, не удастся. В подобных случаях, когда толкование сделки не помогает исправить ошибку в волеизъявлении, а мириться с сохранением сделки с учетом такой ошибки не представляется возможным, следует допускать оспаривание всей сделки или ее части по правилам ст. 178 ГК РФ. При таких условиях отнесение ошибки в волеизъявлении к категории оснований для оспаривания сделки может быть, видимо, оправданно.

2.2. Заблуждение в предмете сделки

Заблуждение в предмете сделки, в частности, имеет место, когда ошибка касается таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные. Оценивая данный случай, прежде всего необходимо определиться, что понимается под предметом сделки. Этот вопрос носит дискуссионный характер. Несмотря на то, что термин «предмет сделки» используется в законе, легальной дефиниции он не имеет. Исходя из контекста комментируемой нормы, а именно из того, что предмет сделки обладает свойствами, значимыми для гражданского оборота, целе-

² См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Серия #Глосса. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. С. 938–939 (автор комментария к ст. 431 ГК РФ — А.Г. Карапетов).

сообразно понимать под предметом сделки те объекты гражданских прав (вещи, имущественные права, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, результаты работ, услуги и т.п.), по поводу которых совершается сделка.

Речь может идти о заблуждении как в отношении идентичности самого имущества (например, соглашаясь на покупку одного из двух велосипедов соседа, лицо имело в виду не тот велосипед, который продавец выставлял на продажу), так и в отношении качественных или иных характеристик имущества (например, заблуждение в отношении страны происхождения продаваемого автомобиля). Заблуждение может касаться и характера оказываемых услуг (например, покупая билет на концерт, зритель думал о том, что его ждет живое исполнение, а не выступление под фонограмму).

В комментируемой норме заблуждение в свойствах предмета сделки объективизировано: существенно то, что считается таковым в обороте. Качества предмета сделки должны оцениваться судом по общим воззрениям оборота, исходя из общераспространенных стандартов человеческого поведения. Так, если покупатель приобретает обручальные кольца, будучи уверенным, что они золотые, а они оказываются позолоченными, то его заблуждение в свойствах предмета будет существенным с точки зрения оборота. Другой пример: выяснилось, что в приобретенной гражданином квартире некоторое время назад было совершено массовое убийство, о чем покупателю не преминули рассказать новые соседи. Среднестатистический обыватель вряд ли будет чувствовать себя комфортно, проживая в такой квартире, хотя никаких технических препятствий для того, чтобы жить в ней, нет. Возможно, какому-то лицу, имеющему крайне крепкие нервы и нечувствительную психику, эта особенность квартиры не покажется существенной, однако в целом у большинства членов общества она будет вызывать мощный психологический дискомфорт. Поэтому такая сделка может быть признана недействительной по комментируемому основанию при наличии иных условий эффективного оспаривания сделки, указанных в п. 1 ст. 178 ГК РФ.

В то же время этот объективный признак упомянут законодателем лишь как частный случай заблуждения в предмете сделки. Отсюда следует вывод о том, что даже такое заблуждение в свойствах, которое не является существенным для оборота, но обладает признаками, указанными в п. 1 комментируемой статьи, может быть признано судом дефектом сделки. Например, если для большинства покупателей место происхождения золота, из которого сделаны обручальные кольца, не имеет существенного значения, но для данного конкретного покупателя эта характеристика настолько принципиальна, что он не купил бы их, зная он правду о месте происхождения металла, то оспаривание возможно в ситуации ошибки, допущенной в отношении этой характеристики, если нет оснований для применения ограничений, упомянутых ранее в комментарии к п. 1 ст. 178 ГК РФ.

Формулировка комментируемой нормы позволяет оспаривать сделку не только тому лицу, которое приобретает имущество, но и лицу, которое его отчуждает. Иначе говоря, если продавец дешево продал картину, не зная о ее истинной ценности, то он может оспорить сделку при соблюдении всех перечисленных в п. 1 ст. 178 ГК РФ условий; но и покупатель, ошибочно полагающий, что покупает до-

рого шедевр известного мастера, может оспорить сделку, если впоследствии выяснится, что речь идет о подделке.

При этом тот факт, что наличие заблуждения в отношении характеристик объекта имущественного предоставления позволяет оспорить сделку, не блокирует возможность использования стороной иных средств защиты, если имеются признаки нарушения договора. Выбор осуществляет сама сторона договора. Так, если в договоре купли-продажи автомобиля указано, что его пробег равен 100 тыс. км, а на деле после продажи оказывается, что пробег намного больше, покупатель может как оспорить договор на основании правил об ошибке (или обмане, если доказан умысел продавца), так и оставить договор в силе, но прибегнуть к средствам защиты на случай передачи некачественного товара (ст. 475 ГК РФ): например, потребовать соразмерного снижения цены, взыскания убытков или отказаться от договора и потребовать возврата уплаченной цены. Такая конкуренция средств защиты прямо допущена в п. 6 информационного письма № 162, а также допускается Модельными правилами европейского частного права (ст. II.-7:216).

В то же время Принципы УНИДРУА не допускают такую конкуренцию (ст. 3.2.4) и отдают приоритет правилам о средствах защиты на случай нарушения условий договора о характеристиках имущественного предоставления. Такой подход представляется менее гибким и уместным.

2.3. Заблуждение в природе сделки

Традиционный для права подход состоит в том, что незнание права не извиняет (*ignorantia juris nocet*). Каждому из участников оборота вменяется полное знание о содержании позитивного права. В то же время п. 2 ст. 178 ГК РФ допускает оспаривание сделки в ситуации, когда заблуждение касалось ее природы.

«Природа сделки» — еще один термин, используемый в законе, но не расшифрованный законодателем. С точки зрения применения комментируемой нормы под природой сделки следует понимать такую разновидность ошибки в праве, которая означает заблуждение относительно типа совершаемой сделки. Наиболее наглядно это проявляется при выборе поименованного договора. Например, сторона в силу отсутствия достаточного опыта в праве полагала, что ссуда — это иное название договора займа. Или клиент-гражданин, подписывая с банком договор на приобретение кредитной ноты, из-за нарушения банком своей обязанности по преддоговорному раскрытию информации был уверен, что речь идет о вкладе, на который распространяется система страхования вклада и который гарантирует ему возврат всей суммы уплаченных банку денег.

Вместе с тем при отсутствии ошибки в отношении типа совершаемой сделки заблуждение лишь относительно конкретных правовых последствий сделки не рассматривается в правоприменительной практике как существенное заблуждение в природе сделки (см. п. 3 информационного письма № 162). Например, если покупатель заключает договор купли-продажи с отсрочкой платежа, не подозревая о том, что у продавца в силу закона возникнет право залога в отношении товара,

такое заблуждение в вопросах права не позволит оспорить договор купли-продажи по ст. 178 ГК РФ.

В международных источниках заблуждение в вопросах права признается дефектом, порочащим сделку (п. 1 ст. II.-7:201 Модельных правил европейского частного права, ст. 3.2.1 Принципов УНИДРУА). В отличие от российского законодательства, международные источники оперируют широким понятием заблуждения в вопросах права (заблуждения, относящегося к правовым нормам), не сводя ошибку к заблуждению в отношении природы сделки. Соответственно, эти акты позволяют оспаривать сделку не только при заблуждении в ее правовой природе, но и при заблуждении в иных правовых аспектах сделки, которые имеют для заблуждавшейся стороны существенное значение.

2.4. Заблуждение в отношении лица, с которым совершается сделка, или лица, связанного со сделкой

Такое заблуждение может касаться самой идентичности стороны сделки и иметь место, например, в ситуации путаницы, возникшей в связи с наличием полных тезок или компаний с идентичными названиями. Но существенное значение может иметь заблуждение не только в отношении самой личности стороны сделки, но и наличия у нее определенных характеристик (к примеру, когда сторона сделки или ее аффилированное лицо входит в санкционный список, утвержденный иностранными государствами). Если это обстоятельство, характеризующее стороны сделки, отражается на воле другой стороны сделку совершить (например, поставщик согласно своему национальному праву не вправе исполнить сделку в пользу такой стороны, попавшей под санкции), то это заблуждение имеет существенное значение. Об этом также говорится в п. 2 информационного письма № 162.

Заблуждение в отношении лица, связанного со сделкой, может иметь место, в частности, когда к моменту заключения договора поручительства должник умер, о чем поручитель в этот момент не знал. Смерть должника не повлекла прекращение обеспечиваемого долга в связи с его переходом к наследникам. В данной ситуации поручитель фактически заблуждался в отношении личности должника, чей долг он обеспечивал. Заблуждение в описанном случае касается не другой стороны договора поручительства (кредитора), а третьего лица (должника).

2.5. Заблуждение относительно очевидного обстоятельства

Здесь мы имеем дело либо с прямо выраженным заявлением стороны о том, что определенное обстоятельство имеет для нее принципиальное значение при совершении сделки (например, в рамках переговоров о заключении договора сторона подчеркивает, что ей не просто нужен определенный товар, но для нее имеет критическое значение страна его производства), либо другой стороне очевидно, что какое-то обстоятельство является принципиальным для стороны при совершении сделки (например, при заключении договора купли-продажи 100% доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью продавцу очевидно, что покупатель не хочет заключать сделку в отношении

компании, у которой имеются признаки несостоятельности). По сути, закон говорит, что заблуждение в любом раскрытом другой стороне обстоятельстве, повлиявшем на согласие стороны вступить в сделку, может быть признано существенным. Это само по себе не предопределяет вывод о возможности аннулирования сделки, так как должны быть соблюдены иные условия признания сделки недействительной по основанию заблуждения (например, распознаваемость самого заблуждения, неизвинительность заблуждения и т.п., см. подробнее п. 1.4, 1.6 и 1.7 настоящего комментария), но позволяет снять вопрос о существенности заблуждения.

При этом речь здесь может идти и о мотиве совершения сделки, который был раскрыт другой стороне в условиях самой сделки либо иным образом. Распознаваемый мотив приобретает правовое значение вопреки закреплённому в п. 3 ст. 178 ГК РФ общему запрету на учет заблуждения в мотиве сделки оспаривании (см. комментарий к п. 3 ст. 178 ГК РФ ниже). Например, в договоре купли-продажи земельного участка содержится указание на то, что покупатель покупает земельный участок для целей размещения на нем казино, на момент совершения сделки в регионе было запрещено размещение казино, но покупатель еще об этом не знает. В данном случае мотив сделки был раскрыт продавцу и это открывает возможность оспаривания сделки по причине существенного заблуждения. Но здесь следует иметь в виду, что такое оспаривание по общему правилу возможно только при наличии иных позитивных условий для аннулирования сделки (см. подробнее п. 1.4, 1.6 и 1.7 настоящего комментария). Так, если, мотив был раскрыт, но само заблуждение в мотиве не было распознаваемым другой стороной, то аннулирование сделки будет заблокировано (за исключением случаев взаимной ошибки или провоцирования заблуждения другой стороной).

3. Заблуждение в мотивах сделки

В течение многих лет остается неизменной позиция российского законодателя относительно заблуждения в мотивах совершения сделки — оно не порочит сделку. Основной вопрос состоит в том, чтобы отграничить мотив от иных компонентов сделки и сопутствующих ей явлений. Традиционно в доктрине мотив рассматривается в качестве причины, побуждающей сторону совершить сделку. Логика введения нормы о несущественности заблуждения в мотиве состояла, видимо, в следующем. Законодатель исходил из того, что роль этой причины, как правило, столь неопределенна, что суд не может оценить, насколько она была критична и существенна для принятия решения о вступлении в сделку.

По большому счету заблуждение в отношении мотива невозможно, так как заблуждаться можно в отношении тех или иных обстоятельств. Сам мотив обстоятельством не является. Так что норма п. 3 ст. 178 ГК РФ не вполне корректна. Правильнее было бы говорить о заблуждении в отношении обстоятельств, характеризующих основной мотив совершения сделки.

Например, компания может заказать производителю производство определенного оборудования, полагаясь на то, что у нее имеется действительный государствен-

ный контракт на поставку данного оборудования. Если впоследствии выяснится, что этот госконтракт ничтожен из-за признания судом недействительным самих торгов, то компания может попробовать оспорить сделку по правилам ст. 178 ГК РФ. Очевидно, что ошибка касается обстоятельств, характеризующих мотив сделки. Неужели оспаривание сделки должно жестко блокироваться, как то может следовать из п. 3 ст. 178 ГК РФ? Как представляется, такое решение не вполне логично.

На выручку приходит указание в п. 2 ст. 178 ГК РФ на то, что существенное заблуждение может иметь место, когда ошибка касается обстоятельства, которое сторона «упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку». Иначе говоря, когда существенность мотива совершения сделки прямо обозначена или была очевидна контрагенту, ситуация выходит из-под сферы запрета, указанного в п. 3, и переходит в сферу дозволения, закрепленного в подп. 5 п. 2 ст. 178 ГК РФ.

Здесь следует помнить, что оспаривание сделки со ссылкой на существенное заблуждение (в том числе в отношении очевидных контрагенту обстоятельств, подвигнувших другую сторону на совершение сделки) возможно только тогда, когда либо речь идет об обоюдной ошибке, либо само заблуждение спровоцировано контрагентом, либо контрагент знал или должен был знать о таком заблуждении и недобросовестно воспользовался ошибкой партнера. В последнем случае распознаваемость характеризует не только обстоятельство, характеризующее мотив, но и само заблуждение в этом обстоятельстве.

С учетом проблематичности использования заблуждения в мотиве как основания для аннулирования сделки сторонам рекомендуется либо раскрывать свой мотив другой стороне, либо предусматривать прямо регулирование в отношении случая, если выяснится, что то или иное обстоятельство, повлиявшее на согласие стороны вступить в сделку, впоследствии не подтвердится. Например, в договоре покупки оборудования для целей перепродажи его конкретному госзаказчику, с которым у посредника заключен договор по итогам торгов, может быть предусмотрено, что в случае выявления впоследствии изначальной ничтожности заключенного с госзаказчиком договора (например, в связи с существенными нарушениями процедуры торгов) договор поставки может быть расторгнут по одностороннему волеизъявлению посредника.

4. Сохранение сделки в силе на иных условиях

Пункт 4 комментируемой статьи допускает исцеление дефекта сделки, совершенной под влиянием заблуждения. А именно при согласии контрагента заблуждавшейся стороны сделка может быть оставлена в силе, но на тех условиях, которые представляла себе заблуждавшаяся сторона. Схожее правило закреплено в ст. II.-7:203 Модельных правил европейского частного права.

Комментируемая норма позволяет учесть интересы как заблуждавшейся стороны, так и контрагента. Первая получает возможность реализовать свои связанные со

сделкой интересы так, как она себе это представляла, заключая сделку. У второго появляется шанс избежать недействительности сделки, которая представляет для него интерес даже на измененных условиях. Кроме того, данный подход способствует соблюдению принципа добросовестности. Если заблуждавшаяся сторона настаивает на признании сделки недействительной даже при согласии контрагента на изменение условий, то она действует недобросовестно, а исковые требования удовлетворению не подлежат.

4.1. Процедурные аспекты

По логике комментируемой нормы она применяется на основании заявления стороны, которая не желает удовлетворения поданного иска об аннулировании сделки. Такое заявление должно сопровождаться указанием на условия, при которых оспаривающая сделку сторона, по мнению заявителя, согласилась бы ее совершить. При этом, если суд посчитает такое предположение убедительным, он отказывает в удовлетворении иска о признании сделки недействительной, но указывает в судебном решении новые условия сделки.

Существует множество процессуальных вопросов применения указанной в п. 4 комментируемой статьи процедуры. Сформулируем хотя бы некоторые из них:

- 1) является ли это решение суда преобразовательным? То есть будет ли сделка с момента вступления в силу такого решения суда считаться совершенной на новых условиях? Думается, на этот вопрос стоит ответить утвердительно;
- 2) должно ли это заявление ответчика быть исковым (в форме встречного иска) или речь может идти о возражении? Видимо, логично допустить, что в данном случае достаточно возражения. Впрочем, вопрос в процессуальном плане может вызывать споры;
- 3) имеет ли значение несогласие истца, оспаривающего сделку? Что если он настаивает на ее аннулировании? Ответ, видимо, должен быть таким: подобное несогласие *само по себе* не препятствует вынесению преобразовательного решения суда об изменении условий сделки вместо ее аннулирования. Иначе в норме не было бы никакого смысла, так как заключить мировое соглашение, по которому истец отзывает иск об оспаривании в обмен на согласие ответчика изменить условия сделки, сторонам и без этой нормы ничто не препятствует;
- 4) что если истец указывает на то, что предложенные ответчиком условия его (истца) не устраивают и он не совершил бы сделку и на таких условиях, не будь заблуждения? Представляется, что здесь все-таки суд вправе, взвесив все аргументы сторон и предложения ответчика по части новых условий, попытаться реконструировать ретроспективно волю истца объективно и даже вопреки протестам истца навязать тому новые условия, которые, на взгляд суда, разумное лицо на месте истца приняло бы в отсутствие заблуждения в момент совершения сделки. Безусловно, это решение в каком-то смысле приводит к насилию над свободной волей истца. Но вместе с тем, если бы одно лишь несогласие истца с предложенными условиями само по себе блокировало реализацию варианта,

закрепленного в комментируемой норме, она потеряла бы какое-либо значение: уже отмечалось, что и без этой нормы ничто не препятствует сторонам заключить мировое соглашение;

- 5) может ли суд утвердить условия, отличные от тех, которые предложил ответчик, или он связан этим предложением и может выбирать между отказом в принятии такого предложения (если он не убежден в том, что истец согласился бы с такими условиями в момент совершения сделки, не будь заблуждения) и удовлетворением соответствующего ходатайства (если содержание предложения по изменению условий суду кажется адекватным)? Сама реализации варианта, закрепленного в комментируемой норме, предполагает, как было показано выше, некоторое принуждение истца к принятию новых условий и насилие над его волей. Но можно ли допустить, что суд вправе применить насилие и в отношении воли ответчика, отступив от содержания его предложения и определив иные условия? Кажется логичным ответить на этот вопрос отрицательно (как минимум если речь идет о существенном отступлении от содержания предложения ответчика), но вопрос требует дополнительного осмысления;
- 6) в п. 4 комментируемой статьи не указано, будет ли судебное решение об исцелении порока сделки действовать с обратной силой. С одной стороны, обратная сила судебного решения — исключение из общего правила, которое должно быть прямо выраженным, а не предполагаемым. С другой стороны, здесь решение базируется на той воле, которая сформировалась у заблуждавшейся стороны в момент совершения сделки. Логично было бы предположить, что сделка должна считаться заключенной на условиях, из которых исходила заблуждавшаяся сторона, с момента ее совершения. Такое решение предложено, например, в Модельных правилах европейского частного права, где при согласии контрагента на изменение условий договор считается заключенным на таких условиях, т.е. исцеление действует с обратной силой (п. 1 ст. II.-7:203). В российском праве окончательную определенность в данном вопросе могут внести лишь высшие судебные инстанции, которые свою позицию пока не сформулировали;
- 7) наконец, встает вопрос о том, каково значение досудебного, внепроцессуального предложения незаблуждавшейся стороны не оспаривать сделку, а согласовать новые ее условия. Стоит отметить, что ст. II.-7:203 Модельных правил европейского частного права позволяет исключить возможность оспаривания сделки не только в судебном порядке, но и путем внесудебного волеизъявления контрагента заблуждавшейся стороны, в частности исполнения договора или выражения готовности исполнить договор на условиях, которые представляла себе заблуждавшаяся сторона. Несмотря на то, что в п. 4 комментируемой статьи предусмотрено исцеление порока сделки по решению суда, очевидно, что если заблуждавшаяся сторона примет от контрагента исполнение, соответствующее тем условиям, которые она себе представляла, то она утратит право на оспаривание сделки в силу правил абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ либо в силу того, что такое взаимное конклюдентное поведение свидетельствует о фактическом изменении договора сторонами. В равной степени право на аннулирование сделки должно блокироваться, если на досудебной стадии контрагент предложит изменить договор таким образом, чтобы дезавуировать ошибку, но заблуждавшаяся сторона попытается все же оспорить сделку.

5. Распознаваемость заблуждения

Как уже отмечалось выше (п. 1.7 настоящего комментария), одним из важнейших ограничителей применения анализируемой нормы является нераспознаваемость заблуждения. Именно этот критерий и закреплен в п. 5 ст. 178 ГК РФ.

Смысл критерия заключается в том, что глубоко скрытые от другой стороны ошибки не будут рассматриваться как основание для оспаривания сделки, сколько бы существенным это заблуждение ни было. Это связано с тем, что человеческие представления о мире столь многообразны и порой причудливы, что право не может их учитывать, перекладывая последствия их ошибочности на контрагента. Например, некто полагает, что он сможет в микроволновой печи готовить стейки, и ради этого был приобретен указанный прибор. Впоследствии после покупки выяснилось, что это невозможно. Строго говоря, такое заблуждение относительно качества предмета сделки вполне существенно для данного покупателя. Однако аннулирование сделки было бы крайне несправедливо по отношению к другой стороне. Ведь если бы контрагент задал консультанту магазина бытовой техники вопрос относительно возможности готовить стейки в микроволновой печи, то на это последовал бы незамедлительный отрицательный ответ.

Вместе с тем, если в указанной выше ситуации покупатель при покупке микроволновой печи озвучил свои намерения в отношении ее использования, то разумно действующий консультант магазина бытовой техники тут же должен был бы объяснить потенциальному покупателю, что такое использование прибора невозможно; следовательно, сделка бы не состоялась. Если он этого не сделал и сделка была совершена, то возникают основания для оспаривания сделки, так как заблуждение было распознаваемым. Это оспаривание должно осуществляться с опорой на правила п. 2 ст. 179 ГК РФ, если умолчание продавца было умышленным, либо на основании ст. 178 ГК РФ, если можно говорить лишь о неосторожности продавца. Как бы то ни было, право в итоге подталкивает к тому, чтобы в ходе переговоров контрагенты откликнулись на высказываемые друг другом соображения относительно качеств предмета будущей сделки, его использования в своей будущей деятельности и проч., т.е. норма провоцирует интенсивный информационный обмен между сторонами.

Этот критерий в целом корреспондирует принципу добросовестности, ибо когда заблуждение распознаваемо для контрагента, но он все равно заключает сделку с заблуждающейся стороной, его поведение вряд ли можно назвать добросовестным. В данном случае наш законодатель использует комбинированный стандарт добросовестности. С одной стороны, распознаваемость заблуждения оценивается с точки зрения участника гражданского оборота, действующего с обычной осмотрительностью (объективный стандарт добросовестности). С другой стороны, для оценки распознаваемости заблуждения суд может учесть особенности конкретной ситуации — содержание сделки, сопутствующие обстоятельства и особенности сторон (субъективный стандарт добросовестности).

Такое решение заслуживает поддержки. Оно не позволит заблокировать оспаривание сделки со ссылкой на то, что контрагент заблуждавшейся стороны не знал о заблуждении, если это заблуждение было объективно распознаваемым. В то же время, даже если оно не было объективно распознаваемым, но конкретный контр-

агент знал о нем в силу каких-то субъективных причин, сделка также может быть оспорена. Иными словами, объективный стандарт добросовестности в данном случае представляет собой нижнюю планку в оценке поведения контрагента заблуждавшейся стороны, которая может быть повышена за счет субъективных качеств такого контрагента.

Следует еще раз подчеркнуть, что одного лишь факта распознаваемости ошибки для признания сделки недействительной недостаточно. Во-первых, необходимо, чтобы либо сама ошибка была спровоцирована контрагентом (в том числе в форме невинного или неосторожного предоставления недостоверной информации или нарушения установленной в законе, вытекающей из обычаев или принципа добросовестности обязанности по раскрытию информации на преддоговорной стадии), либо контрагент, имея для распознавания ошибки все возможности, воспользовался этим вопреки принципу добросовестности. Как уже отмечалось в п. 1.7 настоящего комментария, в ряде случаев (а именно если это не противоречит стандартам честной деловой практики) право должно благосклонно относиться к эксплуатации информационной асимметрии. Во-вторых, должны быть налицо иные условия для признания сделки недействительной (очевидность наличия ошибки для суда, существенность ошибки, ее неизвинительность и т.п.), о которых речь шла выше в п. 1.4–1.6.

Также следует напомнить, что норма п. 5 ст. 178 ГК РФ говорит о том, что при нераспознаваемости ошибки суд *может* отказать в иске о признании сделки недействительной. Использование слова «может» в отношении правомочия суда отказать в иске об оспаривании при нераспознаваемости заблуждения намекает на то, что в каких-то случаях все-таки допускается признание сделки недействительной даже при добросовестном незнании контрагента об ошибке. В каких случаях такое возможно? По сути, лишь в двух. Во-первых, эта ситуация, когда ошибка была спровоцирована другой стороной (можно спровоцировать заблуждение невольно и при этом не иметь оснований распознать, что контрагент действовал под влиянием возникшего заблуждения). Во-вторых, эта ситуация обоюдной ошибки.

О критерии распознаваемости ошибки говорилось выше в п. 1.7.

6. Последствия признания сделки недействительной

При наличии всех условий, предусмотренных комментируемой статьей, сделка, оспоренная вследствие заблуждения, вызывает общие последствия недействительности, предусмотренные ст. 167 ГК РФ, т.е. аннуляцию правового эффекта сделки с обратной силой и реституцию (двустороннюю, если обе стороны успели осуществить взаимные предоставления). Однако в дополнение к общим последствиям недействительности законодатель установил и специальные. Они зависят от нескольких факторов.

6.1. Возмещение ущерба, возникшего у контрагента

Если заблуждение было нераспознаваемым и контрагент (ни виновно, ни без вины) не способствовал возникновению заблуждения, но оспаривание, несмотря

на это, возможно (в случае обоюдной ошибки, см. п. 1.7 выше), заблуждавшаяся сторона должна возместить контрагенту реальный ущерб, возникший вследствие недействительности сделки (например, расходы на ее исполнение). Логически это правило может быть обосновано следующим образом. Если заблуждение не было ни распознаваемым, ни спровоцированным контрагентом, контрагент действует добросовестно. Если не предоставить ему компенсацию убытков, то получится, что доверие факту совершения сделки окажется подорванным. Заблуждавшаяся же сторона окажется только в выигрыше — бесплатно избавится от невыгодной сделки. Поэтому компенсация реального ущерба при безупречном поведении контрагента — своеобразная плата за выход из сделки заблуждавшейся стороны. Зная об этом, она может решить для себя, что для нее выгоднее: избавиться от сделки с компенсацией другой стороне реального ущерба или отказаться от оспаривания, сэкономив на компенсации.

Следует обратить внимание, что в рассматриваемой ситуации убытки контрагента компенсируются в ограниченном размере — только реальный ущерб. Речь идет о расходах, понесенных на переговоры, заключение договора, на подготовку к его исполнению и само исполнение, а также расходы, которые возникли у контрагента в связи с аннуляцией контракта (например, убытки, которые были взысканы с контрагента его кредиторами в связи с отпадением данной сделки). Решение законодателя ограничить компенсацию только реальным ущербом в целом вполне объяснимо, поскольку законодатель преследует цель поставить контрагента в такое положение, в котором он находился бы, если бы сделка вообще не заключалась. Предоставление контрагенту возможности получить еще и доход, ожидавшийся от недействительной сделки, входит в противоречие с самой концепцией недействительной сделки, которая не должна порождать те последствия, к достижению которых стремились стороны (п. 1 ст. 167 ГК РФ).

В то же время, возможно, данную норму следует толковать расширительно и обязывать эффективно оспорившую сделку сторону не только возместить добросовестному контрагенту его расходы, но и утраченный шанс заключить альтернативный договор с третьим лицом. По сути, речь может идти о возмещении негативного интереса: компенсация должна поставить контрагента в такое положение, в котором он находился бы, если бы договор вовсе не был заключен. Впрочем, этот вопрос может являться достаточно дискуссионным и в полной мере в российском праве и судебной практике не разрешен (в связи с крайней скудностью практики признания сделок недействительными по ст. 178 ГК РФ).

6.2. Взыскание убытков со стороны, отвечающей за возникновение заблуждения

Как уже отмечалось, важнейший фактор, который влияет на применение специальных последствий недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения, — виновность контрагента в возникновении заблуждения. Если заблуждение возникло по обстоятельствам, за которые отвечает контрагент заблуждавшейся стороны, то на него возлагается бремя возникших у нее убытков.

На возможность взыскания убытков в ситуации, когда контрагент сам ввел в заблуждение партнера или недобросовестно воспользовался его распознаваемой

ошибкой, указывают и международные акты унификации права (ст. II.-7:214 Модельных правил европейского частного права, ст. 3.2.16 Принципов УНИДРУА).

- 6.2.1. *Вина*. Если заблуждение возникло в силу обстоятельств, за которые контрагент не отвечает, то его ответственность не возникает. «Отвечает» означает форму вины в виде неосторожности, так как в случае доказанного умысла речь должна идти о взыскании убытков в связи с обманом по правилам п. 4 ст. 179 ГК РФ. Соответственно, не возмещаются убытки в тех случаях, когда контрагент спровоцировал заблуждение невиновно (т.е. ни умышленно в форме обмана, ни неосторожно). Если же заблуждение возникло по вине (в форме неосторожности) одной из сторон, то с этой стороны могут быть взысканы убытки.

Если контрагент предоставил при ведении переговоров недостоверную информацию, но сам не знал о ее недостоверности и не мог знать об этом, то имеет место невиновное введение в заблуждение. В такой ситуации оспаривание все равно называется возможным, но ответственности по п. 6 комментируемой статьи здесь не будет. Если же разумное лицо на месте предоставившего информацию контрагента должно было выявить недостоверность сведений, то налицо неосторожность, а значит, имеются основания и для взыскания убытков.

Представим также, что покупатель и продавец предмета антиквариата совместным решением заказывают услуги известного эксперта и тот дает ошибочное заключение о происхождении предмета. Руководствуясь ошибочным отчетом эксперта, покупатель и продавец совершают сделку, находясь в состоянии обоюдной ошибки. В такой ситуации в случае выявления ошибки после заключения договора его оспаривание либо покупателем, либо продавцом теоретически возможно. Допустим, сделку оспорил покупатель. В этом случае, поскольку продавец не способствовал виновно возникшей ошибке, можно признать, что заблуждение покупателя возникло по обстоятельствам, за которые продавец не отвечает. Соответственно, оспаривание сделки не может сопровождаться ответственностью продавца.

Впрочем, ситуация может решаться по-иному, если эксперта выбрал и привлекал продавец, заверивший покупателя в его высокой квалификации, а покупатель положился на его суждение. Даже если прямой сговор продавца с экспертом не доказан, возможно обсуждение ответственности продавца за выбор ненадлежащего эксперта, как минимум если выбор его кандидатуры может быть признан неосторожным (например, продавец выбрал эксперта, чья компетентность должна была вызывать у него сомнения). В такой ситуации можно увидеть соблюдение гипотезы комментируемой нормы, которая говорит об ответственности стороны, если заблуждение партнера произошло по зависящим от этой стороны обстоятельствам: выбор эксперта — это обстоятельство, которое в приведенной ситуации зависит от ответчика по иску об убытках. В то же время какой-либо ясной судебной практики по данному вопросу нет и вопрос может вызывать споры.

Также если в описанном выше примере с продажей антиквариата выяснится, что эксперт ошибся по причине неосторожного предоставления продавцом неполной информации об истории предмета, имеются признаки зависимости заблуждения от поведения продавца. В такой ситуации продавец будет обязан возместить покупателю возникшие у того убытки.

При этом следует подчеркнуть, что заблуждение считается возникшим по обстоятельствам, зависящим от контрагента, не только тогда, когда контрагент неосторожно ввел сторону в заблуждение прямыми заявлениями или иным образом (например, без умысла на обман исполнил свою обязанность по раскрытию информации на преддоговорном этапе не в полной мере), но и в тех случаях, когда контрагент должен был распознать заблуждение, но совершил сделку, не предупредив партнера о заблуждении несмотря на то, что воздержание от эксплуатации ошибки партнера в данной ситуации однозначно следует из принципов добросовестности и честной деловой практики. Об этом, по сути, говорят и международные акты унификации (п. 1 ст. II.-7:214 Модельных правил европейского частного права). Стоит только уточнить, что если достоверно установлено, что контрагент знал о заблуждении, но вопреки принципу добросовестности *намеренно* не предупредил партнера и воспользовался его ошибкой, то следует говорить не о введении в заблуждение и взыскании убытков по правилам п. 6 ст. 178 ГК РФ, а об обмане посредством умолчания и взыскании убытков на основании п. 4 ст. 179 Кодекса.

6.2.2. *Ответственность в случае недостоверных заверений.* Если заблуждение возникло в результате включения в договор недостоверных заверений об обстоятельствах или предоставления на преддоговорной стадии таких заверений, ставших впоследствии частью договора, то ответственность в виде возмещения убытков возможна не только тогда, когда установлены умысел или неосторожность стороны, предоставившей недостоверные заверения, но и в ситуации невинного предоставления таких заверений. Если контрагент не знал и не должен был знать о том, что его заверения не соответствуют реальности, он все равно обязан возместить убытки, так как предоставление заверений равнозначно гарантии достоверности сообщаемых фактов. В этом состоит отличие заверений от простого предоставления информации, именно на это направлена воля предоставляющей заверения стороны. Но такой жесткий формат ответственности за недостоверные заверения в силу п. 4 ст. 431.2 ГК РФ распространяется только на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также на любые стороны корпоративного договора или договора, направленного на отчуждение акций или доли в ООО. Если недостоверные заверения предоставляются в ситуациях, не подпадающих под действие правила п. 4 ст. 431.2 ГК, то убытки возмещаются лишь в случае, когда предоставление таких заверений было следствием умысла или неосторожности (т.е. в соответствии с общими правилами п. 6 ст. 178 и п. 4 ст. 179 ГК РФ).

6.2.3. *Объем ответственности.* В ходе реформы ГК формулировка комментируемой нормы претерпела малозаметное, но весьма важное изменение. Согласно прежней редакции заблуждавшейся стороне причитался только реальный ущерб, если доказано, что заблуждение возникло по вине контрагента. Сейчас же законодатель употребляет более общий термин «убытки». Значит ли это, что, помимо реального ущерба, в соответствующих ситуациях заблуждавшаяся сторона может взыскать что-то еще? Буквальное толкование побуждает нас дать положительный ответ на этот вопрос. Вместе с тем необходимо сделать ограничительную оговорку. Как будет показано ниже, ответственность в связи с заблуждением в сделке должна рассматриваться в качестве особой разновидности преддоговорной ответственности по ст. 434.1 ГК РФ. Последняя предполагает два варианта компенсации — реальный ущерб и убытки, вызванные утратой шанса заключить договор с иным лицом (п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7). Представляется, что

именно на эту компенсацию за утрату шанса может рассчитывать заблуждавшаяся сторона в дополнение к реальному ущербу. Иначе говоря, здесь взыскание убытков должно защищать так называемый негативный интерес, т.е. ставить заблуждавшуюся сторону в такое материальное положение, в котором она находилась бы, не будь договор вовсе заключен. Защита так называемого позитивного интереса, направленного на перенесение заблуждавшейся стороны в положение, в котором она находилась бы, будь договор исполнен, и взыскание в полном объеме упущенной выгоды в виде доходов, которые ожидала от исполнения сделки заблуждавшаяся сторона, невозможно, так как аннуляция договора с обратной силой логически исключает такую перспективу.

О том, что взыскание убытков со стороны, отвечающей за возникновение заблуждения, должно строиться по модели защиты негативного интереса, говорит и п. 2 ст. II.-7:214 Модельных правил европейского частного права, согласно которому взыскание убытков в подобной ситуации заблуждения направлено на «возвращение потерпевшей стороны в положение, наиболее близкое к тому, в котором она оказалась бы, если бы договор не был заключен». По сути идентичная формулировка содержится и в ст. 3.2.16 Принципов УНИДРУА.

- 6.2.4. *Природа ответственности.* Как следует квалифицировать ответственность, связанную с недействительностью сделки, — в качестве договорной (квазидоговорной, допускающей субсидиарное применение главы 25 ГК РФ) или внедоговорной, деликтной (предполагающей применение главы 59 ГК РФ)?

Можно привести логические аргументы в пользу как первой, так и второй позиции.

С одной стороны, совершая сделку, пусть и дефектную и впоследствии признанную недействительной, стороны еще на стадии переговоров связывают себя определенными правоотношениями. Можно даже сконструировать фикцию того, что, вступая в переговоры, стороны заключают некий имплицитный контракт, обязывающий вести переговоры добросовестно, нарушение которого порождает иск об убытках. Это сближает ответственность вследствие недействительности сделки с договорной ответственностью.

С другой стороны, в правовой традиции многих европейских стран ответственность, возникающую в связи с заблуждением в сделке, зачастую считают разновидностью деликтной ответственности. Это также не лишено оснований, поскольку ошибочные представления заблуждавшейся стороны складываются на преддоговорной стадии, при отсутствии действительного договора. Если причиной заблуждения является некорректное поведение контрагента, есть веские основания говорить о деликте в форме недобросовестного ведения переговоров. Соответственно, в рамках деликтной теории фикция возникновения некоего имплицитного договора о ведении переговоров в силу самого факта вступления в них не используется и вариант с деликтной квалификацией оказывается неизбежным.

De lege lata более обоснованной представляется деликтная теория. Есть все основания исходить из того, что по этому же пути пойдет и российская судебная практика. Так, ВС РФ однозначно квалифицировал преддоговорную ответственность

за недобросовестное ведение переговоров в качестве деликтной (п. 19 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7). В связи с этим можно считать, что и в случае недобросовестного провоцирования или эксплуатации заблуждения речь идет о деликтной ответственности. Это позволяет в субсидиарном порядке применять к отношениям сторон сделки, совершенной под влиянием заблуждения, как ст. 434.1, так и главу 59 ГК о деликтной ответственности.

Квалификация ответственности по п. 6 ст. 178 ГК РФ в качестве деликтной означает, что ответственность при заблуждении в сделке наступает лишь при наличии вины контрагента заблуждавшейся стороны независимо от характера сделки (коммерческая или общегражданская). Это связано с тем, что п. 2 ст. 1064 ГК РФ указывает на вину в качестве основания для привлечения к ответственности за деликт. При этом вина презюмируется, и ответчик по иску об убытках должен доказать, что он провоцировал или эксплуатировал заблуждение своего партнера при отсутствии умысла или неосторожности (например, что он сам не знал или не должен был знать о ложности предоставленной им своему партнеру информации).

6.2.5. *Ответственность без оспаривания сделки.* Если неосторожное провоцирование заблуждения или неосторожная же эксплуатация ошибки, которую контрагент мог распознать, но не распознал, являются деликтами, то нет никаких сомнений, что возмещение убытков возможно и в тех случаях, когда сделка не оспаривается. Заблуждавшаяся сторона могла пропустить срок давности на оспаривание сделки или вовсе посчитать аннуляцию сделки не лучшим способом защиты, но это не исключает возможность возникновения у нее убытков. Соответственно, она должна иметь право потребовать их возмещения на основании общих правил ст. 434.1 ГК РФ о недобросовестном ведении переговоров и главы 59 ГК о деликтной ответственности.

На это прямо указывают п. 1 ст. II.-7:214 Модельных правил европейского частного права, а также ст. 3.2.16 Принципов УНИДРУА.

6.2.6. *Ответственность третьего лица.* В случае, когда заблуждение стороны сделки возникло по вине третьего лица, интересный вопрос возникает в отношении возможности привлечения к ответственности этого лица. Если оно находится в договорных отношениях с заблуждавшейся стороной и суть этих отношений состоит в предоставлении совета, консультации, достоверной информации и т.п., то ответственность, безусловно, возможна и будет носить договорный характер (ст. 393 ГК РФ). Такая ситуация имеет место в ситуации, когда контрагент привлек оценщика и впоследствии совершил сделку на основе подготовленной оценщиком недостоверной оценки.

Но что если договора между ними нет? Возможна ли здесь деликтная ответственность? По общему правилу таковая представляется невозможной. Если лицо получило некую информацию от знакомого и совершило сделку в расчете на ее достоверность, то тот факт, что впоследствии эта информация окажется недостоверной, не вручает заблуждавшейся стороне право на деликтный иск к знакомому. Из этого правила могут быть, видимо, какие-то исключения. Например, как представляется, такое исключение имеет место в случае доказанного умышленного обмана, совершенного третьим лицом именно с целью спровоцировать ошибку и подтол-

кнуть к совершению сделки на ее основе. Кроме того, видимо, есть смысл обсуждать возможность иска инвестора, который купил акции публичной корпорации, положившись на недостоверный отчет известной аудиторской фирмы, и понес в связи с этим убытки, к аудиторской компании. Модельные правила европейского частного права такой иск допускают и относят его к категории деликтных (ст. VI.-2:207). Но в контексте российского права сама вероятность предъявления таких исков лицами, напрямую не связанными договорными отношениями с аудитором, а также правовая природа этого иска — вопросы, разработанные крайне плохо. Устоявшейся судебной практики по ним нет.

References

Karapetov A.G., ed. Law of Contract and Obligations (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation [*Dogovornoe i obyazatelstvennoe pravo (obschaya chast')*]: *kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii*]. Moscow, M-Logos, 2017. 1120 p.

Zezealo A.Yu. Mistaken Transactions [*Zabluzhdenie pri sovershenii sdelki*]. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 2011. 198 p.

Zezealo A.Yu. What's New in the Rules on the Avoidance of Legal Transactions Made under Mistake [*Novoe v pravilakh o nedeistvitelnosti sdelok, sovershennykh pod vliyaniem zabluzhdeniya*]. Statute [*Zakon*]. 2015. No. 9. P. 73–88.

Zezealo A.Yu. Mistaken Transactions in the Draft Concept for the Reform of General Provisions of the Russian Federation Civil Code [*Sdelki, sovershennyye pod vliyaniem zabluzhdeniya, v proekte Kontseptsii sovershenstvovaniya obschikh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2009. No. 3. P. 207–220.

Information about authors

Vsevolod Baibak — Assistant Professor at the Department of Civil Law and Process at the Higher School of Economics, PhD in Law (e-mail: v.baibak@mail.ru).

Artem Karapetov — Director of M-Logos Law Institute, Professor at the Higher School of Economics, Doctor of Laws (119049 Russia, Moscow, Postbox 14; e-mail: postmaster@m-logos.ru).